

Обросов
Игорь Павлович

Книжки изданы. — 1998. — 0 экз. — 1. 6.

ЧЕРНЫЕ И БЕЛЫЕ СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ ХУДОЖНИКА-ПИСАТЕЛЯ

ЭТИ ДНИ в залах Российской Академии художеств проходит выставка Народного художника страны, лауреата Государственной премии, академика Игоря Павловича **ОБРОСОВА** и его детей Дарьи и Павла, двух молодых талантливых людей, только входящих в сложный и противоречивый мир искусства. Об этой неординарной экспозиции трех Обросовых уже рассказывало Центральное телевидение, выставка широко освещается в печати. Но сегодня наш разговор об ином. К вернисажу в академии московское издательство «Паруса» выпустило книгу избранных литературных произведений Игоря Обросова — его воспоминания, новеллы, радиопьесы, интервью. Карманного размера томик изящно издан и является органическим продолжением самовыражения большой личности художника, которому тесно в традиционных рамках своей профессии. Он берется за перо, делая это, как и все в своей богатой событиями судьбе человеческой, — добротно, искренне, профессионально. Книгу Обросова представляет его друг, коллега — художник и журналист Леонид КОЗЛОВ, вступительное слово которого предваряет это издание.

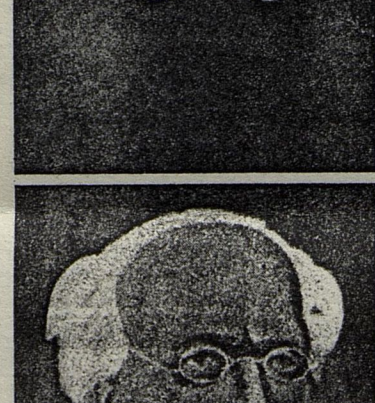
ИЗВЕСТНО предубеждение, с каким относятся к художнику, взявшему в руки перо, — не его это профессия! Творчество художника — «глухонемое», и разговор с людьми ведет он через свои «молчаливые» произведения языком линий и красок; через композиционный строй картин и пластику зафиксированной визуальности. Ну а если в его руках оказывается перо и он начинает писать, вывод один — ему не хватило средств, умения, мастерства выразить себя до конца на бумаге или холсте.

Подобные размышления глубоко неверны. Подтверждением тому — огромный исторический опыт многих поколений мастеров искусств. Опыт, который выразился в тысячах прекрасных книг, интеллектуальным украшением и духовным наполнением любой библиотеки. Вспомните «Дневники Делакруа», письма Торвальдсена, воспоминания Репина, размышления Кольвиц, тонкость высказываний Александра Бенуа, аскетичность путевых заметок Дейнеки, лиричность повествований Ореста Верейского и Юрия Пименова... Можно привести примеры и противоположного «вторжения» в изобразительное искусство представителей литературного цеха: замечательные иллюстрации Виктора Гюго, всемирно известные рисунки Пушкина, Лермонтова, Достоевского, «шершавый язык плаката» Маяковского, визуальный образ Маленького принца, увиденный писателем-летчиком.

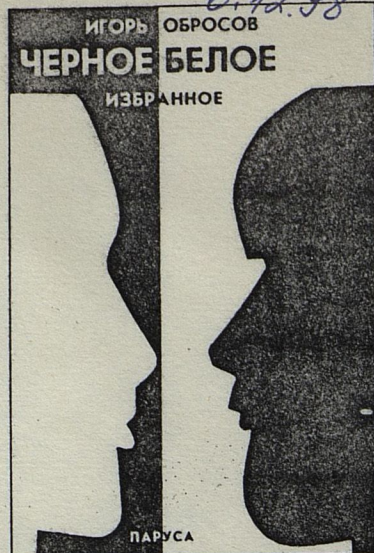
Уж в какой раз перечитываешь прозу Игоря Обросова и убеждаешься, что слово для него — еще одна краска, выжатая им на палитру Творчества из тюбика Вдохновение. И краска эта для него по значимости и весомости ничем не отличается от ультрамарина или английской красной. Просто в данный момент она оказалась у него под рукой, чтобы еще точнее передать состояние его души. Он живописен в литературе и литературен в живописи. Его жанровые портреты Пушкина, Тютчева, Шукшина, Ахмадулиной, Окуджавы, Солженицына — достояние не только отечественных музеев, но и известных галерей мира. А откроешь любую страницу обросовской книги, и поймешь — так может писать только человек, стоящий у мольберта. Вот послушайте: «Отсюда, из деревни, пришли в мои картины эти люди — русские женщины, косари, сборщицы клюквы и морошки и эти вещи — чугуны, косы и кринки, колодцы, роднички, изгороди, деревянные срубы и короба и уж, конечно, деревенские цветы — простые, незамет-

ные, неприглядные, сорные». Или еще: «Меня влечет в поле, в луга, на просторы, на приволье, к мягким безлесным холмам и горюшкам с проблесками светлых речушек и озерков, с чередой висящих стогов, возникающих то тут, то там словно шлемы-шишаки русских воинов, сложивших когда-то здесь свои головы».

О жизненном пути мастера можно сказать штампом: био-

Игорь Обросов.
Портрет Б.Ахмадулиной.
Портрет Ф.Тютчева.

графия его — биография страны. Но судьба Обросова, как и судьба любого человека, неповторима и глубоко индивидуальна. Со «своим 37-м», с годами войны и оккупации, напряженной учебной, рабочей и вхождением в искусство под емким и значимым именем «шестидесятника» — послеоттепельного всплеска лучших дарований советской интеллигенции. Многие из этих славных, порой трагических мгновений можно узнать на страницах его воспоминаний и шепчущих искренних рассказов, написанных просто, «разговорным языком», с ощущением, что слышишь голос самого автора.

Не хотелось бы играть роль посредника между читателем и писателем. Поэтому лучший вариант традиционен — непосредственная встреча с талантливым человеком. Держу в руках авторочку, на корпусе которой своеобразная надпись-реклама: «Беспрерывная длина пасты — 5 км». А если этой образностью качества охарактеризовать труд Игоря Павловича? Если собрать воедино мазки художника на холсте, его графическое перо и перо литературное? Уверен, у нас был бы свой Нейл Армстронг, доставший своей «беспрерывной» линией творчества до морей и кратеров старушки Луны!

Трудно быть гидом по личности такого масштаба, как Игорь Обросов. Постоянно находишься в цейтноте недосказанности. Но вот что главное. Он труженик. Рукодельник, все создающий своими руками. И с этого у него идет отсчет нравственного профессионализма. Полотно на подрамник натягивает сам, сам конструирует раму к картине. При нанесении краски на холст или картон пользуется только кистью. И никаких мастихинов или аэрозолей. Садится писать рассказ — берет простую ручку, не признавая даже печатную машинку, а тем более компьютер. «Прогресс в совершенстве инструментов в ремесле художника и писателя невозможен, — говорит он. — Можно ли совершенствовать кончики пальцев руки создателя — инструменты его нервов?! Все должно оставаться на уровне времен Леонардо. Жаль, краски сегодня самому растирать нельзя. Все же XX век за окном — такой беспокойный, кровавый, издерганный...»

Закрываю последнюю страничку сборника, пытаюсь словами Обросова, мудрого и грустного собеседника, сформулировать с некоторым лозунговым пафосом, столь привычным для нашего отечественного уха, его основную идею: «Люди, я люблю вас! Берегите себя от равнодушия. Смотрите на мир чутко, внимательно, душевно. И вы увидите, что он, этот мир, не такой уж скверный и безнадежный. Все в ваших руках, а руки могут сделать все, все. Ведь мы же все — рукодельники!»

Леонид КОЗЛОВ.